

Несмотря на всё это, Хань Чжоу всё ещё не мог принять Цзинь Шуаня. Его человеческая природа боролась с эмоциями, мысли путались, и он чувствовал себя потерянным.

В тот день, когда они возвращались, они всё время шли, держась за руки. Хань Чжоу сжимал руку так крепко, словно боялся, что, если отпустит, больше никогда не сможет её схватить. Несмотря на это, его душевное состояние оставалось оцепеневшим.

Уже полностью стемнело. К счастью, в это время студентам запрещалось выходить, так что не было риска их напугать.

— Что случилось?! — Увидев на пороге двух окровавленных людей, Лу Е едва не потерял сознание, зашатался и бросился к ним во двор. Подойдя ближе, он оглядел их с ног до головы.
— На волков наткнулись?

— Дикая кабань, — Цзинь Шуань, продолжая быстро идти и держа за руку Хань Чжоу, стал отдавать распоряжения. — Сходи к старосте, скажи, что в лесу за орешником появились дикие кабаны. Пусть предупредят всех жителей. Если есть охотники, пусть завтра отправляются. Также сообщи всем учителям, чтобы они ни в коем случае не разрешали ученикам бродить где попало. Объясни, насколько это серьёзно. Хотя дикие кабаны свирепы, в деревню они не зайдут, так что здесь безопасно.

Он проводил Хань Чжоу в дом. Внутри никого не было — учитель Сяо Ван ушёл играть в карты к соседям. Цзинь Шуань замедлил шаг.

— Будь добр, принеси нам два таза с горячей водой. И постарайся, чтобы больше никто не заходил.

Лу Е кивнул, хотя в голове у него роились вопросы, но ноги уже сами понесли его за водой.

В комнате остались только двое, чудом выживших. Цзинь Шуань на мгновение заколебался, затем повернулся спиной и начал снимать одежду.

Его флисовая куртка была изорвана в клочья, смесь крови и грязи выглядела отвратительно. Белая футболка под ней тоже была порвана, но почти не испачкана, что делало уже подсохшие пятна крови ещё более яркими и бросающимися в глаза.

Хань Чжоу сидел на краю кана, безучастно наблюдая за действиями Цзинь Шуаня. Он видел, как тот слой за слоем снимал одежду, пока не обнажилась мускулистая спина. На спине не было ни шрама, ни раны — только идеальные линии мышц.

Он никогда раньше не видел это тело целиком, даже когда они спали в одной постели. Он думал, что самый лучший подарок оставит на самую прекрасную ночь, но всё пошло не так.

Он увидел, как Цзинь Шуань наклонился, намочил полотенце и быстро вытер тело, после чего натянул чистую футболку. Все движения были чёткими и быстрыми, и, когда он повернулся, от прежнего вида не осталось и следа.

Цзинь Шуань подошёл и осторожно расстегнул куртку Хань Чжоу. Когда он собрался снять футболку, Хань Чжоу схватил его за руку.

Каждое движение Хань Чжоу теперь заставляло его сердце сжиматься. Цзинь Шуань присел на корточки и посмотрел на него снизу вверх, осторожно спросив:

— Хочешь переодеться сам?

Хань Чжоу встретился с ним взглядом, его рука сжимала ладонь Цзинь Шуаня. Глаза то краснели, то бледнели, губы то сжимались, то разжимались. После долгой внутренней борьбы он наконец дрожащим голосом произнёс:

— Тебе больно?

Тебе больно?

Как может не быть больно?

Видеть, как твои близкие один за другим погибают мучительной смертью, — разве это не больно?

Быть преданным тем, кого когда-то любил, — разве это не больно?

Провести больше года в психиатрической больнице, подвергаясь пыткам, а затем, находясь на грани смерти, быть брошенным в огонь, чтобы сгореть заживо, — разве это может не быть больно?

Оставаться в одиночестве в этом мире на протяжении десятилетий, чувствовать горечь каждой ночи, — разве это не больно?

Наверное, он просто привык к этой боли.

В лесу орешника Цзинь Шуань рассказал ему большую часть правды. Теперь скрывать было бессмысленно. Он был мёртвым человеком. Сто лет назад он был Цзинь Шу, вторым сыном семьи Цзинь. После 1950 года он жил вместо своего погибшего брата, Цзинь Чжаосяна. А теперь он — Цзинь Шуань, внебрачный сын Цзинь Чжаосяна. Чтобы существовать в этом мире, ему приходилось постоянно менять личности, постоянно расставаться с людьми.

Цзинь Шуань поцеловал руку Хань Чжоу, и слеза скатилась по его губам, попав между пальцев Хань Чжоу. Он улыбнулся:

— Всё это уже в прошлом.

Хань Чжоу смотрел на него, сжимая его руку, и опустил голову. Чёлка закрыла половину лица, а затем тихие всхлипывания переросли в неудержимые рыдания.

Ему было так больно, он никогда раньше не чувствовал такой боли. Он страдал за Цзинь Шуаня, мучился от того, что не мог по-настоящему понять его боль, и разочаровывался в себе, в своей человеческой природе, которую не мог преодолеть.

В ту ночь Хань Чжоу не отпускал руку Цзинь Шуаня. Он не спал до полуночи, а затем до самого утра мучился кошмарами.

Во сне снова вспыхнул огонь, которого не было уже несколько месяцев. Хань Чжоу услышал в пламени крики, которые звучали то как отдалённые мольбы о помощи, то как отчаянные вопли, исходящие из глубины души. Вокруг был только огонь, глаза горели, а тело корчилось от боли.

Его спас звонок ранним утром.

На другом конце провода был Хань Дун, который сказал, что скоро вернётся, и спросил, как у него дела с Цзинь Шуанем. Он также предупредил, что это не просто временное молчание, а знак согласия с их отношениями.

— Я тебе скажу, любовь — это не то, что раз решил быть вместе, значит, так и будет навсегда. И не то, что если ты считаешь его хорошим, значит, он идеально тебе подойдёт. Если через какое-то время ты поймёшь, что он не такой, как ты думал, или вы не сможете сойтись, то просто уходи.

— Брат... — Хань Чжоу хрипло ответил, приподнялся и посмотрел в окно, где Цзинь Шуань разговаривал с кем-то. Спустя некоторое время он сказал:

— Мы будем вместе. Мы всегда будем вместе.

Хань Дун вздохнул:

— Только не поступай, как наша соседка Сяо Юй, которая столько лет мучилась, но так и не смогла добиться своего, только себя извела, смысла нет.

— Ладно, — Хань Чжоу глубоко вздохнул, опустил голову и устало улыбнулся. — Не говори плохо о других, мама уехала в отпуск, а цветы всё ещё на её попечении. Когда ты точно вернёшься? Может, я смогу встретить тебя?

— Не надо встречать, я ещё не уверен, — Хань Дун на другом конце провода тоже вздохнул.

Когда Цзинь Шуань уходил, шёл сильный дождь. Машина Хань Чжоу стояла на разбитой асфальтовой дороге у въезда в деревню. Он закурил и под звуки ливня начал осмысливать историю, которую услышал накануне...

В конце 1950 года Цзинь Шуаня ещё звали Цзинь Шу. Он был сыном богатого торговца, переехавшего в Великобританию, и единственным выжившим ребёнком в семье после войны.

В ту ночь луна была полной. Когда две медсестры вытащили Цзинь Шу из гидромассажной ванны, он уже не мог пошевелиться. За последние полтора года в психиатрической больнице он прошёл через бесчисленное количество жестоких «лечений».

Его положили на металлический стол. Действие экспериментальных препаратов ещё не прошло, и сильный дискомфорт атаковал его нервы. Он чувствовал, как влага на смиренной рубашке словно муравьи заползала в его раны.

Две медсестры, напевая, раскладывали вокруг стола сухие ветки. Эти люди, погружённые в свою работу, давно уже превратились в белых демонов с извращёнными душами.

Вскоре в комнату вошли пять человек в чёрных мантиях, закрывающих лица. После их появления медсестры удалились.

Черноризники рисовали на полу вокруг стола сложные узоры из белого пепла, смешанного с кровью Цзинь Шу. Процесс был долгим, они что-то бормотали, пока рисовали.

Для Цзинь Шу это было бесконечным мучением, если быть точным, каждая минута здесь казалась вечностью.